

Берлинский кризис 1948-1949 гг.

М.М. Наринский

Автор анализирует развитие Берлинского кризиса 1948 – 1949 гг. С советской стороны блокада Западного Берлина была ответом на одностороннее решение Запада объединить три западных оккупационных зоны. 25 июня 1948 г., то есть на следующий же день после начала блокады, западные лидеры организовали воздушный мост с Западным Берлином. Он сыграл огромную роль в борьбе с Советским Союзом за немецкое общественное мнение. К зиме 1948-1949 гг. Сталин понял, что воздушный мост дает Западу больше преимуществ, чем блокада - СССР. После секретных переговоров, 4 мая было решено, что блокада будет снята 12 мая с условием, что две недели спустя для обсуждения германской проблемы соберется Совет Министров Иностранных дел.

Первый Берлинский кризис уже рассматривался российскими и германскими исследователями¹. Тем не менее, некоторые его аспекты (причины кризиса, цели сторон и методы их действий) остаются недостаточно проанализированными. Важнейшими задачами сталинского руководства СССР в рассматриваемый период было укрепление международно-политического положения страны и, в первую очередь, контроль над советской сферой влияния. Подобный контроль был призван решить несколько задач: обеспечить безопасность СССР, увеличить его вес в международных делах, не допустить чрезмерного усиления позиций США и Великобритании.

Политика СССР в германском вопросе стала составной частью усилий Кремля по созданию и упрочению советской сферы влияния в послевоенной Европе, а при возможности - и ее расширения. Сталинское руководство стремилось установить полный контроль над советской зоной оккупации и укрепить свое влияние на ситуацию в Германии в целом. Имелось в виду, что осуществление решений союзников о денацификации, демилитаризации, демократизации и декартелизации Германии призвано было усилить влияние политических групп, ориентированных на Советский Союз. Советское руководство добивалось осуществления германских репарационных поставок в СССР; выдвигало требование советского участия в контроле над Руром. Весьма характерной была негативная реакция Москвы на

американский проект договора о разоружении Германии, предложенный в сентябре 1945 года.

После ознакомления с рабочим проектом договора советская сторона пришла к выводу, что он преследует цель быстрее окончания военной оккупации Германии и ограничивается вопросами военного разоружения и демилитаризации Германии, игнорируя важнейшие предпосылки экономического разоружения и демократизации Германии. В частности, маршал В. Соколовский и политический советник Советской военной администрации в Германии В. Семенов писали в Наркомат иностранных дел: «В предложенном виде американский проект неприемлем и в настоящий момент мы вовсе не заинтересованы в том, чтобы пойти в какой-либо степени навстречу эвентуальным попыткам американцев поскорее покончить с оккупацией Германии, так как мы не можем допустить после такой войны, чтобы дело действительного разоружения и демократизации Германии бросить на полдороге»².

Отрицательную позицию в отношении американского предложения после совещания с Л. Берией и Г. Маленковым занял Сталин. «Он полагал, что договор направлен против СССР», - утверждают Г. Кынин и Й. Лауфер³. При этом, с точки зрения политической тактики, И. Сталин проявлял в первое время заметную осторожность. Так, в июне 1945 г. он советовал германским коммунистам выступать за установление антифашистского демократического парламентского

Наринский Михаил Матвеевич – д.и.н., профессор заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

режима и не насаждать в Германии советскую систему.

Однако 1947 год ознаменовался резким обострением международной обстановки. Разгром оппозиции в ряде стран Юго-Восточной Европы, провозглашение доктрины Трумэна, безрезультатный итог Московской сессии Совета Министров Иностранных Дел, начало осуществления плана Маршалла, отказ от участия в нем СССР и дружественных ему стран, создание Коминформа — все эти события возвестили о явном начале «холодной войны».

Осенью 1947 года руководящие круги Москвы стали проявлять беспокойство в связи с нараставшими противоречиями по германской проблеме между бывшими союзниками. Заведующий 3-м Европейским отделом Министерства иностранных дел СССР А. Смирнов в записке на имя министра В. Молотова от 3 октября обращал внимание на новые моменты в политике западных держав по вопросу о мирном урегулировании с Германией. Они, по его мнению, были направлены в сторону дальнейшего отхода от Потсдамских решений с целью сепаратного разрешения германской проблемы. Это подтверждали и практические мероприятия, проводимые США и Великобританией в Германии, направленные на подготовку к сепаратному урегулированию германской проблемы. «Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов и проводимых Соединенными Штатами и Великобританией в Германии практических мероприятий дает основание сделать вывод о том, что здесь речь идет не о пропагандистском приеме или политическом шантаже, - констатировал А. Смирнов в своей записке, - а о реальной угрозе политического и экономического расчленения Германии и включении Западной Германии со всеми ее ресурсами в создаваемый Соединенными Штатами западный блок»⁴.

Советское руководство стремилось блокировать подобное нежелательное развитие событий. Опираясь на решения Ялтинской и Потсдамской конференций, оно пыталось сохранить полный контроль над советской зоной оккупации и вместе с тем не утратить возможности влиять на ситуацию в Германии в целом. В директивах советской делегации на Лондонской сессии Совета Министров Иностранных Дел, одобренных Политбюро ЦК ВКП(б) 21 ноября 1947 г., на первый план выдвигалось заключение мирного договора с Германией, которое связывалось с задачей восстановления «единой демократической Германии». В этих директивах подчеркивалась важность борьбы за принятие в Лондоне советских предложений по двум вопросам:

«а) создание демократического общегерманского правительства в соответствии с решениями Потсдамской конференции;

б) созыв мирной конференции из представителей соседних союзных государств, а также других союзных государств, участвовавших своими вооруженными силами в общей борьбе против

Германии, с отклонением американского предложения о мирной конференции в составе всех стран, объявивших войну Германии»⁵.

Однако Лондонская сессия Совета Министров Иностранных Дел (25 ноября — 15 декабря 1947 г.) завершилась полным провалом. Воспользовавшись острыми разногласиями при обсуждении вопроса о германских репарациях, государственный секретарь США Дж. Маршалл прервал ход заседания и отказался продолжить работу сессии СМВД. Лондонская сессия Совета Министров Иностранных Дел не исчерпала своей повестки дня. Не была назначена дата следующей встречи министров иностранных дел четырех государств. Неясно было, сможет ли вообще Совет Министров Иностранных Дел возобновить в будущем свою работу.

Единственным реальным результатом сессии СМВД стал явный разрыв между тремя западными державами и Советским Союзом. Во время этой встречи министров иностранных дел Франция дала принципиальное согласие на объединение французской зоны оккупации с Бизонией и создание Тризонии. 19 декабря в Вашингтоне было объявлено решение государственного департамента о прекращении репарационных поставок Советскому Союзу. Дело шло к расколу Германии и ее вовлечению в «холодную войну». Частью этого процесса стала подготовка к раздельному проведению денежной реформы на Западе и на Востоке Германии.

Проблема денежной реформы в Германии обсуждалась в Контрольном совете еще в 1946 г. При этом советские представители настаивали на выпуске новых денежных знаков отдельно для западных зон оккупации — в Берлине, и отдельно для советской зоны — в Лейпциге «под одинаковым международным контролем». Представители США решительно возражали против этого. Особое значение при обсуждении возможной денежной реформы приобрел вопрос о праве контроля над эмиссией денежных знаков. Западные представители настаивали на создании общегерманского банковского механизма при Контрольном совете, на который возлагались бы также и вопросы эмиссии денежных знаков. Как указывалось в записке министра финансов А.Г. Зверева и начальника финансового отдела СВАГ П.А. Малетина В.М. Молотову от 21 января 1947 г., тем самым западные державы пытались «поставить под контроль объем наших затрат на оккупацию и репарации», что для советской стороны было совершенно неприемлемым.

Министр финансов отмечал, что надо «считаться с тем, что союзники не согласятся на предоставление командующему советской зоны оккупации права эмиссии денежных знаков для покрытия расходов по оккупации и репарациям»⁶. В этой связи советский министр финансов выражал опасение, что западные державы могут использовать отсутствие договоренности по вопросу об эмиссионном механизме как предлог для проведения сепаратной денежной реформы

в западных зонах. А это повлекло бы за собой дальнейшую экономическую изоляцию советской зоны оккупации. А. Зверев считал возможным принять предложения западных держав при условии, что с их стороны будет гарантировано «полное покрытие наших оккупационных расходов и расходов по репарациям, включая репарации из текущего производства»⁷. Этот документ еще раз свидетельствует о важности проблемы репараций для советского руководства.

Договориться о согласованном проведении денежной реформы в Германии четырьмя союзными державами так и не удалось. В сентябре 1947 г. Глава Советской Военной Администрации в Германии маршал В. Соколовский сообщил в Москву, что в связи с активизацией подготовки американскими властями сепаратной денежной реформы на западе Германии возникает необходимость приступить к изготовлению новых денежных знаков для советской зоны оккупации. По инициативе В. Соколовского и политического советника СВАГ В. Семенова, Совет Министров СССР 10 декабря 1947 г. принял постановление «О новых денежных знаках для советской зоны оккупации Германии»⁸.

С учетом возможности проведения в западных зонах оккупации Германии сепаратной денежной реформы советское правительство разрешило СВАГ «изготовить новые немецкие денежные знаки для советской зоны оккупации Германии». Постановление Совета Министров СССР обязало московскую фабрику Гознак изготовить новые немецкие денежные знаки на сумму 5 миллиардов марок в количестве 400 миллионов экземпляров к 1 июля 1948 г. (Постановлением Совета Министров СССР от 7 мая 1948 г. назначенный срок был отодвинут до 25 августа 1948 г.⁹, очевидно, из-за технических затруднений).

Тем временем западные державы приступили к непосредственной подготовке создания западногерманского государства. «Эра Ялты закончилась, — писала 20 декабря 1947 г. газета New York Herald Tribune. — Раздел Германии даст нам свободу действий, чтобы включить Западную Германию в систему западных государств»¹⁰. С 23 февраля по 6 марта 1948 г. в Лондоне прошла первая фаза конференции представителей США, Великобритании, Франции, а также Бельгии, Нидерландов и Люксембурга по германской проблеме. Решения Лондонской конференции шести западных стран означали курс на включение Западной Германии в план Маршалла, подготовку к созданию западногерманского государства и его интеграцию в западный блок.

Эти решения вызвали несомненное беспокойство советского руководства, которое стало искать методы противодействия политике Запада в Германии. Уже 9 марта 1948 г. маршал В. Соколовский и политический советник СВАГ В. Семенов были срочно вызваны в Москву для обсуждения некоторых вопросов¹¹. Доступные ныне документы позволяют предположить, что именно в это время в Москве был разработан

план введения ограничений на коммуникациях Берлина с западными зонами оккупации. Во всяком случае, в середине апреля заместитель В. Соколовского генерал-лейтенант М. Дратвин и В. Семенов сообщали министру иностранных дел В. Молотову и министру вооруженных сил Н. Булганину: «Разработанный в соответствии с Вашими указаниями план контрольно-ограничительных мероприятий на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации Германии проводится неуклонно, — начиная с 1 апреля, кроме ограничений по воздушному сообщению, которые мы намерены провести позднее»¹².

Из этого сообщения явствует, что в Москве был разработан специальный план давления на западных союзников в Берлине. Очевидно, в обсуждении и принятии этого плана так или иначе участвовали И. Сталин, В. Молотов, Г. Маленков, Н. Булганин, В. Соколовский и В. Семенов. Разработка мер советского противодействия реализации лондонских решений западными державами проходила строго секретно, к ней был привлечен очень узкий круг лиц. Вопрос не обсуждался в Политбюро ЦК ВКП(б), и этот высший партийно-политический орган не принимал какого-либо официального решения. Не вызывает сомнений, что главную роль в принятии столь важного политического решения играл И. Сталин.

Телеграмма Дратвина и Семенова свидетельствует и о том, что первоначальный советский план предусматривал введение также ограничений и в отношении воздушного сообщения, однако практических попыток реализовать эту часть замысла предпринято не было. Очевидно, в Кремле сочли меры против американского "воздушного моста" слишком рискованными. Да и соотношение военно-воздушных сил было явно не в пользу СССР.

Тогда же, когда В. Соколовский и В. Семенов были вызваны в Москву, то есть 12 марта 1948 г., заведующий 3 Европейским отделом МИД СССР А. Смирнов направил В. Молотову записку, озаглавленную «О наших мероприятиях в отношении Германии на ближайший период». В записке отмечалось, что США и Великобритания отказались от урегулирования германской проблемы на основе Ялтинских и Потсдамских решений и «ведут подготовительные мероприятия к созданию западногерманского государства, с которым намереваются заключить сепаратный мирный договор или мирный статут». Лондонское совещание западных держав по германской проблеме расценивалось как свидетельство того, что «западные державы превращают Германию в свой опорный пункт и включают ее в создаваемый военно-политический блок, направленный против Советского Союза и стран новой демократии»¹³.

А. Смирнов предлагал более решительно противодействовать политике западных держав в германском вопросе. «При создавшихся условиях мы не можем дальше ограничиваться протестами западным державам по поводу их сепаратных действий, которые существенно затрагивают

наши интересы в Германии и в Европе, — писал заведующий 3-им Европейским отделом МИД. — Нам необходимо поэтому провести такие мероприятия, которые не только ограничивали бы сепаратные действия США, Англии и Франции в Германии, но и активно срывали их планы по сколачиванию западного блока с включением в него и Германии»¹⁴.

А. Смирнов сформулировал в своей записке следующие предложения:

1) провести совещание министров иностранных дел СССР, Польши, Югославии, Чехословакии и Албании, пригласив в качестве наблюдателей представителей Венгрии, Румынии, Болгарии, Финляндии, а также германского Народного конгресса. На совещании принять декларацию с оценкой деятельности западных держав в Германии;

2) после этого совещания Советскому Союзу надлежит проявить инициативу для созыва новой сессии Совета Министров Иностранных Дел по германскому вопросу. «Если США, Великобритания и Франция примут это предложение, тогда будут подорваны основы для их действий по сколачиванию западного блока и включению в него Германии. В том случае, если наше предложение будет ими отклонено, тогда будет ясно, что эти державы окончательно отказываются от решения германского вопроса на базе Потсдамских решений»¹⁵, — писал А. Смирнов.

После этого Советскому Союзу предстояло заявить о том, что западные державы своими действиями разрушили Союзный Контрольный Совет и Совет Министров Иностранных Дел, и тем самым соглашения о союзном контрольном механизме и о зонах оккупации утратили свою силу. Поэтому Советское правительство вынуждено было бы полностью закрыть свою зону оккупации, обеспечив проведение соответствующих финансовых мероприятий, организацию охраны границ и тому подобное.

По моему мнению, записка А. Смирнова была подготовлена не по собственной инициативе заведующего 3-м Европейским отделом МИДа. Она отражала замыслы высшего советского руководства, в частности В. Молотова, и вписывала ограничительные мероприятия на коммуникациях Берлина с западными зонами в более широкий контекст политико-пропагандистской кампании против действий западных держав в германском вопросе. Не случайно, весь план действий, наметенный в записке, был реализован в той или иной форме. 20 марта 1948 г. маршал В. Соколовский демонстративно покинул заседание Союзного Контрольного Совета, деятельность этого органа и всех его директоратов была прекращена¹⁶.

25 марта 1948 г. маршал В. Соколовский издал приказ «Об усилении охраны и контроля на демаркационной линии советской зоны оккупации Германии». В нем начальнику транспортного управления СВАГ, в частности, предписывалось сократить до минимума движение пассажирских поездов и транспортов американских, английских

и французских войск¹⁷.

27 марта последовал его же приказ «Об усилении охраны и контроля на внешних границах Большого Берлина», ужесточивший контроль над передвижением людей и перевозкой грузов через внешние границы Большого Берлина.

С 1 апреля были введены различные ограничения на коммуникациях, связывавших Берлин с западными зонами¹⁸.

В Москве получали информацию, свидетельствующую о серьезности конфронтации вокруг Берлина. Так, в обзоре утренней немецкой прессы из Берлина за 2 апреля подчеркивалось: «Американский государственный департамент заверил, что вооруженные силы США останутся в Берлине. В вашингтонских дипломатических кругах советские мероприятия рассматриваются как начало попытки вытеснить западные державы из Берлина. По их мнению, Берлин является местом, где проверяется решимость американской и русской внешней политики»¹⁹.

Представители западных оккупационных держав в этот период неоднократно заявляли о своей «непреклонной воле оставаться в Берлине»²⁰. Тем не менее, руководители Советской Военной Администрации в Германии были настроены весьма решительно и оптимистично. Сообщая в Москву 17 апреля 1948 г. о реализации с 1 апреля плана контрольно-ограничительных мероприятий на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации, М. Дратвин и В. Семенов победно докладывали: «Наши контрольно-ограничительные мероприятия нанесли серьезный удар по престижу американцев и англичан в Германии. Немецкое население считает, что "англо-американцы отступили перед русскими" и что это «показывает силу русских»²¹.

Руководство Советской Военной Администрации в Германии явно недооценивало и решимость западных союзников оказать сопротивление советскому нажиму на Берлин, и средства, имевшиеся в их распоряжении. В этой же телеграмме руководители СВАГ утверждали, что «попытка Клея создать "воздушный мост" Берлина с западными зонами провалились. Американцы признали, что это слишком дорогая затея»²².

М. Дратвин и В. Семенов предлагали усилить нажим на западные державы дальнейшим ужесточением режима на коммуникациях Берлина с западными зонами оккупации: пропускать товарные поезда из Берлина в западные зоны оккупации только по лицензии СВАГ на грузы, ввести новый порядок приема почтовых посылок в западные зоны. В дальнейшем под предлогом обеспечения безопасности полетов предполагалось ограничить и воздушное сообщение между Берлином и западными зонами оккупации²³.

Пойдя на серьезную конфронтацию с западными державами вокруг Берлина, сталинское руководство стремилось, прежде всего, обеспечить возможности вести переговоры по германской проблеме с позиции силы. Предполагалось, что осложнения в Берлине заставят Вашингтон,

Лондон и Париж быть более уступчивыми, отказаться от реализации их планов создания западногерманского государства. Советское силовое давление должно было также усилить недоверие немецкого населения к западным державам. Если же западные державы не готовы были пойти на серьезные политические уступки по германской проблеме, то советское руководство имело в виду попытаться включить весь Берлин в советскую зону оккупации и, возможно, вытеснить союзников из Берлина. В беседе лидеров Социалистической Единой Партии Германии с И. Сталиным 26 марта 1948 г. В. Пик заметил, что вряд ли результаты выборов, намеченных в Берлине на октябрь того же года, будут лучше для СЕПП, чем в 1946 году. Далее Пик сказал, что «они были бы рады, если бы союзников удалить из Берлина. Сталин замечает: Давайте общими усилиями попробуем, может быть, выгоним»²⁴.

В апреле-июне 1948 г. Советская Военная Администрация в Германии продолжала усиливать нажим на западные державы в Берлине. 23 апреля политсоветник СВАГ В. Семенов, сообщая в МИД СССР о признаках переселения персонала администрации западных оккупационных властей из Берлина в западные зоны оккупации, высказывал предположение, что "выкуривание" западных держав из города вследствие этого вряд ли облегчится. Он считал, что «они, вероятно, хотя и имеют себя больше свободы» для «сопротивления нашему нажиму»²⁵. 11 июня он же сообщил, что «в соответствии с утвержденным планом» в отношении ограничения передвижений принимаются дальнейшие меры. В сообщении выражалась надежда, что ограничения вызовут «дальнейшее потрясение престижа» западных оккупационных властей в Берлине²⁶. 16 июня 1948 г. прекратила свою работу союзная комендатура в Берлине.

Таким образом, советские оккупационные власти в Германии стремились максимально затруднить положение западных держав в Берлине, подорвать их влияние в городе. Тем временем и на западе, и на востоке Германии продолжалась подготовка к проведению раздельной денежной реформы. 18 мая 1948 г. Советское правительство приняло постановление «О проведении денежной реформы в советской зоне оккупации Германии». Постановление обязывало Советскую Военную Администрацию в Германии в случае проведения сепаратной денежной реформы в западных зонах оккупации немедленно провести денежную реформу в советской зоне оккупации Германии. Правительство обязало «Советскую Военную Администрацию добиться хождения в районе всего Большого Берлина только новых денежных знаков Советской зоны оккупации»²⁷. Тем самым возможности для маневров СВАГ резко сужались. Советское руководство стремилось включить весь Берлин в финансово-экономическую систему советской зоны, а это означало новый виток в развитии берлинского кризиса.

18 июня командующие оккупационными войсками США, Великобритании и Франции ге-

нералы Клей, Робертсон и Кёниг сообщили маршалу В. Соколовскому об осуществлении с 20 июня денежной реформы в трех западных зонах оккупации. Предполагалось не распространять денежную реформу на западные сектора Берлина. Однако представители СССР 19 июня объявили о том, что «денежные знаки, выпущенные в западных зонах оккупации Германии, не будут допущены к хождению в советской зоне оккупации Германии и в районе "Большого Берлина", находящегося в советской зоне оккупации Германии и экономически являющегося частью советской зоны»²⁸.

Четырехсторонние переговоры финансовых экспертов 22 июня оказались безрезультатными. При этом советский представитель заявил: «Мы предупреждаем и вас, и немецкое население Берлина, что примем экономические и административные санкции, которые заставят перейти в Берлине только на одну валюту — валюту советской оккупационной зоны»²⁹.

Осуществляя раздельную денежную реформу в Германии и пытаясь включить Берлин в советскую зону оккупации в финансовом отношении, обе стороны сознательно шли на резкое обострение ситуации. Сообщая в Москву о письмах западных главнокомандующих о проведении денежной реформы и нераспространении ее на западные сектора Берлина, руководитель СВАГ отмечал: «Очевидно, однако, что новая валюта для западных зон оккупации Германии будет введена в западных секторах Берлина после объявления о введении нами денежных знаков советской зоны для всего Берлина»³⁰.

С другой стороны, представители французских военных властей в Германии предупреждали американских и британских партнеров о серьезности грозящего международного кризиса. 23 июня французский генерал Ганеваль (Ganeval) заявил: «В момент перехода к применению контрмер, предусмотренных на случай советской денежной реформы, французское правительство обращает внимание союзников на непредсказуемые последствия, которые повлечет за собой введение валюты западных зон в наших секторах [Берлина]. Эти последствия, несомненно, выйдут за рамки самого Берлина»³¹.

22 июня маршал В. Соколовский известил генералов Клея, Робертсона и Кёнига о проведении денежной реформы в советской зоне оккупации Германии и в районе Большого Берлина.

23 июня оккупационные власти трех западных держав приняли решение распространить денежную реформу в Западной Германии на западные сектора Берлина.

24 июня советские оккупационные власти полностью перекрыли наземные и водные коммуникации между западными зонами оккупации и Берлином "по техническим причинам".

Руководители СВАГ информировали Москву о нарастании трудностей западных держав в Берлине, о неизбежности их отступления в германском вопросе. Позднее в записке, составленной

сотрудником дипломатической миссии СССР в ГДР М. Сениным, отмечалось: «Среди наших руководящих товарищей в Германии имело место предположение, что в результате затруднений, которые могли вызвать наши ограничения в Берлине, западные державы вынуждены будут отступить, сдать свои позиции в Берлине в пользу Советского Союза»³².

Положение западных держав было действительно непростым. Никаких ясных международно-правовых документов о коммуникациях западных зон оккупации с Берлином не существовало. Немецкий историк М. Вильке отмечает: «Формально введением блокады Советский Союз не нарушал никаких соглашений. Только воздушное сообщение западных держав с Берлином было отрегулировано решением Контрольного совета 30 ноября 1945 г. Были созданы три воздушных коридора и центральная служба воздушной безопасности Берлина, которая функционировала до 1990 г., и в период воздушных мостов советские офицеры продолжали нести свою службу»³³.

Попытка прорыва силой советской блокады означала столь существенный виток в эскалации конфликта, грозивший непредсказуемыми последствиями, что решиться на подобный шаг было очень трудно. Французский министр иностранных дел Ж. Бидо, например, в конце июня считал, что западные державы смогут удержаться в Берлине весьма непродолжительное время. В телеграмме в посольство Франции в Вашингтоне 27 июня Бидо отмечал: «Развитие ситуации в Берлине показывает, что западные державы столкнутся с самыми серьезными трудностями, дабы удержаться там более нескольких недель, если не произойдет радикального изменения отношений с советскими властями»³⁴. Со своей стороны, западные державы ввели запрет на торговлю с советской зоной оккупации и на поставки репараций из Западной Германии Советскому Союзу.

При всей остроте международно-политического кризиса вокруг Берлина его участники полагали, что ни одна из сторон не стремится к большому вооруженному конфликту. Американские, британские и французские политические и военные руководители были единодушны во мнении, что Советский Союз не был в тот момент готов к войне и не стремился ее развязать³⁵. Командование французскими войсками в Германии 24 июня так оценило позицию американцев и британцев: «Их образ действий основывается на абсолютном убеждении, что Россия не хочет войны»³⁶.

С другой стороны, советское руководство внимательно следило за выработкой позиции Запада в отношении берлинского кризиса. Проанализировав реакцию в США на советскую ноту от 14 июля, Министерство иностранных дел СССР пришло к следующему выводу: «После некоторых колебаний и прощупывания твердости советской позиции, руководящие круги США решили не идти в настоящее время на дальнейшее обострение берлинского вопроса»³⁷. Все советские

действия были направлены на то, чтобы военно-политическим давлением добиться от Запада политических уступок с расчетом на его благоразумие и нежелание спровоцировать развязывание войны. Впоследствии А.А. Громыко, объясняя решение И. Сталина о блокаде Берлина, называл следующие причины: из-за Берлина Соединенные Штаты не стали бы применять атомное оружие, а если бы американцы стали посылать вооруженные конвои, их бы останавливала Красная Армия. Советский министр добавил: «В конце концов, в случае столкновения лоб в лоб с Соединенными Штатами окончательное решение осталось бы за ним (за Сталиным – М.Н.)»³⁸.

Основной просчет руководства СССР заключался в недооценке решимости западных держав сопротивляться советскому нажиму и продолжать курс на реализацию решений Лондонской конференции представителей шести стран по германскому вопросу. Уже 3 июля маршал В. Соколовский заявил, что транспортные ограничения будут продолжаться до тех пор, пока не будут отменены планы западных держав по созданию западно-германского правительства. По мнению Л. Клея, это было первым признанием действительной причины блокады³⁹.

Отмеченное заявление маршала В. Соколовского убедительно опровергает утверждения, что важнейшей причиной Берлинского кризиса «стало проведение денежной реформы в западных зонах оккупации Германии и в Западном Берлине, политика США и Великобритании, направленная на их экономическое и политическое объединение»⁴⁰.

Что касается объединения трех зон, то советское руководство выступало не против этого объединения, а против создания сепаратного западногерманского правительства на основе Тризонии.

Западные державы организовали и расширили «воздушный мост» между западными зонами оккупации и Берлином. Советские власти не предприняли никаких мер против «воздушного моста». Российский исследователь И.Ф. Максимчев обоснованно утверждает: «Сепаратная денежная реформа предоставила повод для того, чтобы перекрыть наземные и водные пути сообщения с Западным Берлином. Но этот шаг был максимумом того, на что СССР готов был пойти. Его главной целью оставалось побудить западные державы вернуться за стол переговоров на предмет согласованного решения германского вопроса. Западный Берлин и пребывание западных гарнизонов в нем носили в данном контексте подчиненный характер»⁴¹.

Вместе с тем после безрезультатного обмена нотами американское руководство решило добиваться личной встречи послов трех западных держав в Москве с И. Сталиным.

30 июля 1948 г. представители США, Великобритании и Франции посетили заместителя министра иностранных дел В. Зорина и вручили ему памятные записки аналогичного содержания,

в которых просили организовать встречу с главой Советского правительства для обсуждения положения в Берлине, а также более широких, связанных с этим вопросов⁴².

31 июля послы США, Великобритании и Франции имели отдельные беседы с министром иностранных дел СССР В. Молотовым, во время которых обсуждалось содержание предстоящих переговоров. В. Молотов подчеркнул, что «Советское правительство считает невозможным отрывать обсуждение вопроса о Берлине от вопроса о четырехстороннем контроле над Германией в целом»⁴³. Послы западных держав вроде бы согласились с подобным подходом.

2 августа представители США, Великобритании и Франции были приняты И. Сталиным. Глава Советского правительства энергично изложил свою позицию послам западных держав. «Он, тов. Сталин, говорил о двух моментах: о специальной валюте в Берлине и о решениях Лондонского совещания. Он, тов. Сталин, думает, что эти решения вызвали и стимулировали те ограничительные меры, о которых идет речь. Он, тов. Сталин, уже сказал, повторяет и может даже, если это необходимо, записать, что одновременно с ликвидацией ограничительных мер по транспорту, принятых Военной Администрацией Советского правительства, должна быть отменена специальная валюта — марка «Б», введенная тремя державами в Берлине, и заменена той валютой, которая имеет хождение в советской зоне, т.е. валютой «дойчмарк». Это первое. Во-вторых, должно быть дано заверение, что исполнение решений Лондонской конференции будет отложено до того, пока представители четырех держав не встретятся и не договорятся по всем основным вопросам, касающимся Германии»⁴⁴.

При этом Сталин подчеркнул, что он выступает против создания западногерманского правительства, а объединение трех западных зон в одну, это, может быть, даже лучше. Сталин вновь и вновь настаивал: «Приостановите исполнение лондонских решений и отмените марку «Б». Никаких затруднений не будет. Это можно хоть завтра сделать. Подумайте об этом»⁴⁵. При этом «тов. Сталин отметил, что Советское правительство потому и не имело и не имеет намерения вытеснить войска трех держав из Берлина, что оно полагало, что союзники вернутся к сотрудничеству, что они придут к этому в конце концов, после драки»⁴⁶.

Натолкнувшись на последовательное нежелание представителей западных держав дать какие-либо официальные заверения о приостановлении реализации лондонских решений, Сталин пошел на уступку: он не стал требовать этого как условия отмены советских ограничений на коммуникациях, но просил записать настойчивое пожелание Советского правительства отложить решение вопроса о западногерманском правительстве. Со своей стороны, представители западных держав выразили согласие на введение в обращение в Берлине немецкой марки советской зоны оккупации и на изъятие из обращения

в западных секторах Берлина марки «Б». Было условлено, что одновременно с этой мерой будут сняты транспортные ограничения между Берлином и западными зонами оккупации⁴⁷.

В ходе беседы И. Сталин признал советское давление на западные державы, но стремился представить его как вынужденную оборонительную меру — «Тов. Сталин ответил, что он, тов. Сталин, не отрицает, что было применено давление, но оно было вызвано тем давлением, которое оказала Лондонская конференция. Это было давление на Советский Союз, атака на валюту в Германии»⁴⁸.

В целом И. Сталин весьма логично, последовательно и напористо изложил представителям трех западных держав свою позицию. Основной задачей советского руководства было добиться отказа западных держав от реализации решений Лондонской конференции по германскому вопросу, от подготовки к созданию западногерманского правительства. К этой теме вновь и вновь возвращался В. Молотов во время своих встреч с представителями западных держав в августе 1948 г. Так, 6 августа он настаивал на необходимости «отложить решения лондонского совещания. Советская сторона теперь на этом не настаивает, поскольку это затруднительно для представителей трех держав. Но Советское правительство считало бы это желательным. Это настойчивое пожелание Советского правительства»⁴⁹.

В качестве запасной позиции И. Сталин и В. Молотов стремились добиться признания валюты советской зоны оккупации в качестве единственной валюты в Берлине в обмен на отмену советских ограничений на коммуникациях Берлина с западными зонами оккупации. В этом случае советская сторона добивалась бы фактического включения всего Берлина в финансово-экономическую систему советской зоны под советским контролем. Тем самым советские позиции в Берлине существенно усиливались, а западные — ослаблялись. Впоследствии 2-й секретарь дипломатической миссии СССР в ГДР М. Сенин в своей записке по берлинскому вопросу писал: «Для нас было, прежде всего, важно восстановить экономическое единство Берлина, включить весь Берлин в экономическую систему советской зоны, а также восстановить единство управления городом. Это послужило бы основой для завоевания западноберлинского населения. Этим были бы созданы предпосылки для полного вытеснения западных держав из Берлина»⁵⁰.

Думается, что западные державы допустили тактический просчет, добиваясь встречи представителей США, Великобритании и Франции с И. Сталиным. Глава Советского правительства чувствовал себя хозяином положения, оказывал энергичное давление, требовал, настаивал. Уклончивые дипломатические ответы представителей западных держав он расценивал как показатель слабости, готовности пойти на уступки. Эти иллюзии И. Сталина и В. Молотова отразились в советском проекте совместного коммюнике пра-

вительств Франции, Соединенного Королевства, США и СССР по вопросам Германии, утвержденном на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 7 августа 1948 г. Характерно, что это был первый документ, рассмотренный и утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) в ходе берлинского кризиса.

Проект совместного коммюнике предусматривал отмену 15 августа всяких ограничений, наложенных после объявления денежной реформы в западных зонах в отношении пассажирского и грузового транспорта между тремя западными зонами Германии и Берлином в обоих направлениях. Одновременно немецкая марка советской зоны должна была стать единственной валютой для Берлина при регулировании всего денежного обращения в городе. Немецким Эмиссионным Банком советской зоны оккупации. Советский проект предусматривал созыв в ближайшее время совещания представителей четырех правительств в виде Совета Министров Иностранных Дел или отдельного совещания представителей четырех держав «для обсуждения а) любых неразрешенных вопросов, касающихся Берлина, и б) любых других неразрешенных проблем, затрагивающих Германию в целом».

Но и это было еще не все. Советский проект содержал следующий важный абзац: «В состоявшихся переговорах представителей четырех держав рассматривалось пожелание Советского Правительства отложить проведение решений Лондонского совещания о создании правительства Западной Германии до выяснения результатов упомянутого выше совещания представителей четырех держав. При этом представители трех западных держав заявили, что правительства этих держав не думают пока заняться вопросом о создании правительства Западной Германии»⁵¹.

Ясно, что подобный документ означал бы чистый выигрыш сталинского руководства, успех блокады Берлина и давления на западные державы. Утверждение подобного документа на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) свидетельствовало о надеждах добиться чрезвычайно выгодного для СССР разрешения берлинского кризиса и резко ограничивало возможности советской дипломатии в достижении компромисса. Сталинское руководство допустило серьезный политический просчет, недооценивая готовность западных держав сопротивляться советскому нажиму, продолжить конфронтацию.

Тем не менее, в результате переговоров западных представителей с И. Сталиным и В. Молотовым удалось выработать совместную директиву главнокомандующим четырех держав в Германии. Она предусматривала одновременную отмену ограничений на коммуникациях между Берлином и западными зонами оккупации и изъятие из денежного обращения в Берлине западной марки «Б». Тем самым марка советской зоны становилась бы единой валютой для Берлина. Для контроля за введением и денежным обращением единой валюты в Берлине должна была быть создана финансовая комиссия из представителей четырех

главнокомандующих.

Ужесточение позиции представителей западных держав в ходе переговоров в августе 1948 г. воспринималось советской стороной чрезвычайно негативно. В частности, западные представители упорно отказывались зафиксировать приостановку реализации решений Лондонской конференции. Советское руководство было явно разочаровано созывом 1 сентября 1948 г. Парламентского совета для разработки конституции Западной Германии. Эта акция ясно продемонстрировала стремление западных держав продолжить подготовку к созданию западногерманского государства. Между тем, во время беседы И. Сталина с представителями трех западных держав 2 августа В. Молотов заметил, что «не о чем вести переговоры, если будут проведены в жизнь решения Лондонской конференции»⁵².

Думается, что именно начало работы Парламентского совета предопределило неудачу переговоров главнокомандующих оккупационными силами четырех держав в Германии в начале сентября. Неверная оценка советским руководством общей военно-политической ситуации, намерений и возможностей западных держав привела к отказу от компромиссных решений в августе-сентябре 1948 года и к затягиванию Берлинского кризиса.

31 августа министр иностранных дел СССР В. Молотов передал в Берлин указания к переговорам главнокомандующих, в которых, в частности, предписывалось «не отступать от согласованных в Москве решений, особенно в отношении расширения полномочий финансовой комиссии»⁵³.

В соответствии с выработанной в Москве общей директивой четырех правительств, финансовая комиссия из представителей четырех главнокомандующих в Германии создавалась для контроля за практическим осуществлением мероприятий, связанных с введением в обращение единой валюты в Берлине. Вопрос о функциях и полномочиях этой финансовой комиссии и стал одним из главных "камней преткновения" на переговорах главнокомандующих в Берлине 1-7 сентября.

При этом, как мне представляется, представители западных держав готовы были пойти на разумный компромисс. На встрече с В. Молотовым 18 сентября они доказывали, что их главнокомандующие не хотят вмешательства в финансовые дела советской зоны и распространяют деятельность финансовой комиссии лишь на Берлин. Посол США в Москве Смит во время этих переговоров заявил, что «со стороны представителей Франции, Великобритании и США в Берлине не было сделано никакой попытки расширить контроль финансовой комиссии над Немецким Эмиссионным Банком в отношении каких-либо других вопросов, помимо тех, которые относятся к Берлину». Далее он отметил, что «представители трех держав все время признавали, что контроль финансовой комиссии должен осуществляться таким образом, чтобы не нанести ущерба ответст-

венности советской администрации за денежное обращение в советской зоне оккупации»⁵⁴.

К сожалению, советское руководство не использовало этот шанс для достижения довольно выгодного компромисса. Неверная оценка общей военно-политической ситуации, намерений и возможностей западных держав привела к отказу от урегулирования берлинского кризиса в августе-сентябре 1948 г. и к его затягиванию. Очевидно, ставка делалась на невозможность нормального функционирования американского "воздушного моста" осенью-зимой 1948 года. Советские представители тщательно собирали и докладывали руководству всю информацию, свидетельствующую именно о нарастающих трудностях организаторов "воздушного моста" и о его неминуемом грядущем провале.

В этом смысле характерен отчет сотрудника советской делегации на сессии генеральной ассамблеи ООН Г. Ратиани о его беседе с французским заместителем начальника отдела прессы ООН Оденом 20 ноября 1948 года. По информации Ратиани, хорошо знакомый Одено сотрудник американской делегации говорил ему о том, что «положение с "воздушным мостом" в Берлине исключительно трудное. Американские военные заявляют, что в настоящих зимних условиях полеты чрезвычайно сложны и личный состав настолько измучен, что стоит очень больших усилий заставить летчиков продолжать полеты. Материальная часть очень быстро изнашивается. Этот сотрудник американской делегации сказал, что американское военное командование и госдепартамент опасаются прекращения функционирования "воздушного моста" в самое ближайшее время»⁵⁵.

В ожидании краха "воздушного моста" и капитуляции западных держав в берлинском вопросе советское руководство взяло курс на затягивание дипломатических дискуссий. Одновременно в октябре 1948 года СВАГ усилила охрану границ внешнего обвода Берлина.

Все дипломатические баталии и маневры по берлинскому вопросу осенью-зимой 1948 г.: обсуждение в Совете Безопасности ООН, попытки Председателя Совета Безопасности Брамуглия выступить посредником, работа технического комитета экспертов шести нейтральных стран — оказались безрезультатными. Тем временем общая политическая ситуация вокруг Берлина изменилась. Во-первых, четыре державы приняли дальнейшие шаги к расколу Германии: прекратил свое существование единый магистрат Берлина; и на Западе, и на Востоке страны активно велась подготовка к созданию двух германских государств. Во-вторых, — возможно, это и было главным — американский "воздушный мост" смог успешно функционировать и в зимних условиях. В начале мая 1949 г. СВАГ докладывала, что с июля 1948 г. по 31 марта 1949 г. авиация трех западных держав произвела 274663 самолетовылета, в Берлин было доставлено 1 209 157 тонн продовольствия, топлива и дефицитного сырья⁵⁶.

Советское руководство вынуждено было признать поражение своей попытки блокады Берлина. Политико-пропагандистский проигрыш был налицо. Российский специалист А.М. Филитов обоснованно отмечает: «При этом последствия "блокады Берлина" для имиджа советской политики в Германии были явно отрицательными»⁵⁷.

Тогда-то, 31 января 1949 г., были опубликованы ответы И. Сталина на вопросы генерального европейского директора Американского агентства "Интернэшнл Ньюс Сервис" г-на Кингсбэри Смита, в которых отмена всех транспортных ограничений связывалась лишь с созывом новой сессии Совета Министров Иностраных Дел. Вопрос о единой валюте для Берлина вообще не упоминался⁵⁸.

После этого, в середине февраля 1949 г., по инициативе американской стороны, между заместителем представителя США в Совете Безопасности Ф. Джесепом и советским представителем в ООН Я. Маликом были начаты переговоры об урегулировании берлинского вопроса. Эти переговоры продолжались до начала мая 1949 г. 4 мая в Нью-Йорке было достигнуто соглашение, по которому 12 мая отменялись все ограничения по связи, транспорту и торговле между Берлином и западными землями, между восточной зоной и западными зонами, а также между западными зонами и восточной зоной Германии. Пункт 3 соглашения предусматривал: «Через 11 дней после отмены ограничений, упомянутых в пп. 1 и 2, а именно 23 мая 1949 года, в Париже будет созвана сессия СМВД для рассмотрения вопросов о Германии и проблем, возникающих из положения в Берлине, в том числе и вопроса о валюте в Берлине»⁵⁹.

Это соглашение было реализовано. 12 мая все ограничения по связи, транспорту и торговле между Берлином и западными зонами, введенные после 1 марта 1948 г., были отменены. К сожалению, в моем распоряжении не было документов, раскрывающих мотивы действий советского руководства и механизм принятия решения об окончании блокады Берлина. Имеется лишь последующая оценка сотрудника советской миссии в ГДР М. Сенина, который отмечал негативный эффект "воздушного моста" для СССР с политической, пропагандистской и стратегической точки зрения.

«Советское правительство, естественно, не могло мириться с существованием этой военно-воздушной трассы англо-американских империалистов в Берлин, — писал Сенин в 1950 г. — Чтобы ликвидировать это агрессивное "сооружение" и его отрицательные последствия и вообще выбить из рук империалистов всякие поводы, возникшие в связи с введением ограничений, для разжигания антисоветской пропаганды среди немцев, для разжигания военной пропаганды, Советское Правительство в мае 1949 г. пошло на снятие ограничений в области транспорта, связи и торговли»⁶⁰. Тем самым косвенно признавалось поражение СССР по берлинскому вопросу.

Что касается Парижской сессии СМВД, то она не достигла реальных договоренностей. Берлин остался расколотым городом с различными валютами. В июне 1948 года западные коменданты Берлина ввели в обращение новую немецкую марку, поставив на нее печать «Б», и разрешили обращение восточной марки в своих секторах. Таким образом, до марта 1949 г. в Западном Берлине использовались две валюты. Позже немецкая марка была объявлена единственным платежным средством, что укрепило экономические связи Западного Берлина с Западной Германией⁶¹. На Западе и Востоке Германии завершалась подготовка создания двух германских государств.

Анализ действий советского руководства во время берлинского кризиса 1948-1949 годов позволяет утверждать, что для него это была борьба за недопущение расширения западной сферы влияния. Москва стремилась не допустить образования западногерманского государства и его включения в западный блок. Блокада Берлина призвана была создать ситуацию, в которой СССР мог бы вести переговоры по германской проблеме с позиции силы. В случае отказа западных держав пойти на серьезные политические уступки оставалась попытка ослабить их позиции в Берлине, включив весь город в финансово-экономическую систему советской зоны оккупации.

Основным просчетом сталинского руководства была недооценка решимости западных держав, и в первую очередь США, добиваться реализации курса на создание западногерманского государства, финансово-экономических и военно-технических возможностей Запада. Успешное функционирование американского "воздушного

моста" привело к тому, что Советский Союз потерпел политическое и пропагандистское поражение в берлинском кризисе. Сталин еще раз показал, что при серьезном сопротивлении его внешнеполитическим акциям он умел отступать. Западные державы, пойдя на созыв Парижской сессии СМВД в мае 1949 г., позволили советским лидерам "спасти лицо", по форме добиться некоторого компромисса.

Вместе с тем важной чертой этого острейшего международного кризиса холодной войны было нежелание ни одной из сторон "сделать первый выстрел", развязать крупномасштабный военный конфликт. В этом смысле участники конфликта правильно оценивали намерения друг друга и проявляли разумную сдержанность.

Narinsky M. The Berlin crises 1948-1949.

Summary: *The author analyses the origins and the development of the Berlin crisis of the 1948 – 1949 years. From Soviet perspective, the blockade of Western Berlin was a legitimate response to the West's unilateral decision to unify the three western occupation zones and to move toward establishing a West German government. On June 25, the day after the blockade went into effect, British and U.S. military leaders began airlifts to supply West Berlin. The airlift provided a huge victory for the West in the battle for German public opinion. By the winter of 1948-1949, Stalin realized that the airlift was helping the West more than the blockade was hurting it. After U.S. – Soviet secret discussions there was an announcement on May 5 that the blockade would be lifted on May 12 and that a Council of Foreign Ministers meeting on German problem would convene in Paris two weeks later.*

Ключевые слова

германская проблема, Совет министров иностранных дел, курс на раскол Германии, денежная реформа, блокада Берлина, воздушный мост, урегулирование кризиса.

Keywords

the German problem, the air bridge, course on split of Germany, Council of Foreign Ministers, crisis settlement

Примечания

1. См., например: 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008г. Москва, РОССПЭН, 2009.
2. СССР и германский вопрос, 1941 – 1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Том 2: 9 мая 1945 – 3 октября 1946. Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. Москва, 2000, стр. 370-371.
3. Г. Кынин, Й. Лауфер. Введение - **Ошибка! Ошибка связи.** том 2, стр.74.
4. Записка А.Смирнова В.Молотову. 3.X.1947 - АВП РФ. Фонд 082, опись 34, папка 146, дело 7. лист 1. Опубликовано: СССР и германский вопрос, том 2, стр. 505.
5. Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21.XI.1947 - Российский государственный архив социально-политической истории.
6. А.Г. Зверев и П.А. Малетин В.М. Молотову, 21 января 1947 - Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 227.
7. Там же, стр. 227.
8. Постановление Совета Министров СССР от 10.XII.1947 г. - Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 1-2.
9. Постановление Совета Министров СССР от 7.V.1948 г. - Там же, лист 32.
10. New York Herald Tribune. 20 December 1947.
11. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франции Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з, опись 11ж, папка 70, дело 17, лист 435.
12. Телеграмма М.Дратвина и В.Семенова В.Молотову и Н.Булганину. 17.IV.1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 23.
13. А.А. Смирнов В.М.Молотову, 12 марта 1947 - Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 601.

■ История

14. Там же, стр. 602.
15. Там же, стр. 603.
16. См.: Советский Союз и Берлинский вопрос (Документы). [Выпуск 1]. Москва, МИД СССР, 1948, стр. 22-25.
17. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франции Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з, запись 11ж, папка 70, дело 17, лист 439.
18. См.: Справка О.В. Окопишниковой, 10 апреля 1948 г. - Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 647-651.
19. Телефонограмма из Берлина в Москву 2.IV.1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, запись 64, дело 789, лист 13.
20. Справка О.В. Окопишниковой, 10 апреля 1948 г. - Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 648.
21. Телеграмма М.Дратвина и В.Семенова В.Молотову и Н.Булганину. 17.IV.1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, запись 64, дело 789, лист 25.
22. Там же, лист 24.
23. Там же, лист 28.
24. Запись беседы тов. И.В.Сталина с руководителями Социалистической Единой Партии Германии В.Пиком и О.Гротеволем. 26 марта 1948 года. - Архив президента РФ. Фонд 45, запись 1, дело 303, лист 34. Опубликовано: Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 623.
25. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франции. Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з, запись 11ж, папка 70, дело 17, лист 449. Опубликовано: Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 662.
26. **Ошибка! Ошибка связи.** лист 451.
27. Постановление Совета Министров СССР от 18 мая 1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, запись 64, дело 789, лист 33-35.
28. Советский Союз и Берлинский вопрос (Документы). [Выпуск 1], стр. 30.
29. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франции Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з, запись 11ж, папка 70, дело 17, лист 454.
30. Телефонограмма В.Соколовского и В.Семенова В.Молотову 18.VI.1948 - Архив Президента РФ. Фонд 3, запись 64, дело 789, лист 45.
31. Général Ganeval à G.Bidault, le 24.6.1948. Télégramme arrivé. - Archives Nationales. Paris. Archives privées de M.Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP18.
32. М.Сенин. Записка по берлинскому вопросу. 1950 г. - АВП РФ. Фонд 082, запись 37, папка 216, дело 112, лист 21.
33. М. Вильке. Берлинский кризис 1948 -1949 гг. и его место в истории «холодной войны». – 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г. Москва, РОССПЭН, 2009, стр. 128-129.
34. G.Bidault à AmbaFrance, Washington, le 27.VI.1948. Télégramme au départ. - Archives Nationales. Paris. Archives privées de M.Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP18.
35. См.: A.Shlaim. The United States and the Berlin Blockade, 1948-1949. A Study in Crisis Decision-Making. University of California Press, 1983, p. 216, 232, 248 and others.
36. Télégramme reçu du Berlin, le 24 juin 1948. - Archives Nationales. Paris. Archives privées de M.Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP18.
37. Позиция США в отношении ответной ноты СССР от 14 июля о положении в Берлине (Справка). - АВП РФ. Фонд 082, запись 35, папка 165, дело 32, лист 28.
38. М. Вильке. Берлинский кризис 1948 -1949 гг. и его место в истории «холодной войны». – 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 129.
39. См.: L.Clay. Decision in Germany. Melbourne-London-Toronto, 1950, p. 367.
40. В.В. Захаров. Военно-политические аспекты Берлинского кризиса 1948 -1949 гг. - 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 161.
41. И.Ф. Максимычев. “Дырявая” блокада: Западный Берлин 1948–1949 гг. - 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 156.
42. US Department of State. The Berlin Crisis. A Report on the Moscow Discussions. Washington. D.C., 1948, pp. 15-16.
43. О переговорах представителей США, Великобритании и Франции с В.М.Молотовым по вопросу о положении в Берлине и другим германским вопросам в августе-сентябре 1948 г. (справка). - АВП РФ. Фонд 7, запись 11ж, папка 1, дело 2, лист 22.
44. Беседа тов. И.В. Сталина с американским послом Смитом, британским представителем Робертсом и французским послом Шатеньо 2 августа 1948 г. - АВП РФ. Фонд 07, запись 21ж, папка 43, дело 1, лист 7, 11.
45. Там же, лист 17.
46. Там же, лист 17.
47. Там же, лист 21.
48. Там же, лист 18.
49. Из дневника В.М. Молотова. Прием американского посла Смита, французского посла Шатеньо и представителя Бевина Робертса. 6 августа 1948 г. - Архив президента РФ. Фонд 3, запись 64, дело 789, лист 105.
50. М.Сенин. Записка по берлинскому вопросу. 1950 г. - АВП РФ. Фонд 082, запись 37, папка 216, дело 112, лист 21.
51. Т. Молотову. Выписка из протокола № 65 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). Решение от 7 августа 1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, запись 64, дело 789, лист 119-121.
52. Беседа тов. И.В. Сталина с американским послом Смитом, британским представителем Робертсом и французским послом Шатеньо. 2 августа 1948 г. - АВП РФ. Фонд 07, запись 21ж, папка 43, дело 1, лист 18.
53. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франции Обзор, часть 3. - АВП РФ. фонд 048з, запись 11ж, папка 70, дело 17, лист 467.
54. О переговорах представителей США, Великобритании и Франции с В.М.Молотовым по вопросу о положении в Берлине и другим германским вопросам в августе-сентябре 1948 г. (справка) - АВП РФ. Фонд 7, запись 11ж, папка 11, дело 2, лист 11.
55. Из дневника Г.М. Ратиани. Запись беседы с заместителем начальника отдела прессы ООН Оденем 20 ноября 1948 г. - АВП РФ. Фонд 082, запись 35, папка 165, дело 32, лист 62.
56. В.В. Захаров. Военно-политические аспекты Берлинского кризиса 1948 -1949 гг. - 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 174-175.
57. А.М. Филитов. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941 – 1990. Москва, Наука, 2009, стр. 130.
58. См.: Советский Союз и берлинской вопрос (документы). выпуск 2. М., 1949. С. 8-9.
59. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франции Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з, запись 11ж, папка 70, дело 17, лист 492-493.
60. М.Сенин. Записка по берлинскому вопросу. 1950 г. - АВП РФ. Фонд 082, запись 37, папка 216, дело 112, лист 24.
61. См.: М. Вильке. Берлинский кризис 1948 -1949 гг. и его место в истории «холодной войны». – 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 134.